

МИР ДОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Фененко А.В. История международных отношений в довестфальскую эпоху: Учеб. пособие для вузов. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. 752 с.

Учебное пособие А.В. Фененко можно назвать новаторским по, как минимум, трём причинам. Первая – сам факт обращения автора к эпохе до окончания Тридцатилетней войны, которая, как справедливо указано в пособии, остаётся *terra incognita* для международников. Вторая – стремление автора показать историю довестфальской эпохи как целостную систему, без хронологических пробелов. Последнее, к сожалению, нередко встречается в литературе, когда за Древним Египтом сразу следует Античная Греция, а за Римской империей – Древнерусское государство. Третья – стремление автора сфокусироваться не на истории самих государств, а показать именно их взаимодействие друг с другом, что, собственно, и составляет предмет науки о международных отношениях. Другое дело, что, как показывает в своей работе А.В. Фененко, характер этих отношений принципиально отличался от современных национальных государств.

Мне довелось быть рецензентом работы А.В. Фененко, написав к ней предисловие. В нём я указала, что подход автора к истории международных отношений вышел за рамки её традиционного понимания как борьбы национальных государств в русле определённого мирового порядка. В учебном пособии А.В. Фененко показано, как политические субъекты взаимодействуют друг с другом в рамках единых политических систем и как эти системы меняли свои территориальные границы. Эти системы

некорректно отождествлять с современными национальными государствами, которые возникли по результатам их распада. Вот почему в основу своей классификации автор положил не мировые порядки (как это было в его предыдущем учебном пособии), а теорию систем американского политолога Мортон Каплана. Последний выделял шесть типов международных систем: баланс сил, гибкая биполярная, жёсткая биполярная, универсальная, иерархическая система и единичного вето. А.В. Фененко показывает нам, что в «довестфальском» мире международные отношения представляли собой отношения между различными субъектами в рамках подобных международно-политических систем.

Эти системы, по мнению автора, носили имперский характер. Уже во введении книги есть важный раздел «Империи как центральное понятие довестфальской эпохи». В нём автор вводит важный компонент для анализа понятия «имперское пространство», интерпретируемое им как «территории, подконтрольные определённой империи» (с. 17). Рассматривая различные точки зрения на определение понятия «империя», А.В. Фененко выбирает подход американского социолога Эдварда Шилза (1910–1995), который фокусировал внимание на двух направлениях исследования: 1) стремление элит к объединению вокруг единого центра; 2) взаимодействие субъектов имперского пространства друг с другом. Соответственно, имперское простран-

ство состоит, по мнению автора учебника, из трёх компонентов: организация империей определённой территории, создание имперской идентичности на ментальном уровне и проведение экспансии во внешнее географическое пространство. Таким образом, *новизна авторского подхода резюмирована тезисом, что в довестфальскую эпоху международные отношения по большей части и были отношениями субъектов в рамках единых имперских пространств.*

В заключении автор расширяет этот тезис: «Империи Древнего мира и Средних веков не позиционировали себя как государства определённого народа. Они строились вокруг династии, религиозной идеи (в различных её вариантах), принципа власти военной элиты, торговых интересов, но при этом всегда уравнивали всех подданных империи» (с. 719). Империи Древности и Средних веков зачастую не имели устойчивых территорий или институтов: их пространства были «плавающими» — теряя одни территории, они приобретали другие, а имперский центр, смещаясь, мог положить начало новой империи. Соответственно, в мире существовало два типа отношений: между имперскими системами и между субъектами внутри единой имперской системы. Эти отношения кардинально отличались от отношений между национальными государствами.

Другое понятие, которое использует А.В. Фененко для анализа довестфальской эпохи, — ойкумена. В переводе с древнегреческого оно означает «обитаемая земля» или, как указывает автор, территориальное пространство, освоенное определённой цивилизацией (с. 30). В этом определении заложен большой смысл: ведь наш земной шар был почти полностью картографирован только во второй половине XIX столетия, а с учётом приполярных пространств — в середине XX века. До этого времени все цивилизации были ограничены определённым географическим пространством, за пределами которого начиналась та самая *terra incognita* — неведомая земля. В этой связи империи прошлого стремились и контролировать ойкумену, и заодно расширять её

в пространственном отношении. Контроль и расширение выступали основой «имперской идеи» на ментальном уровне.

Классификацию по международно-политическим системам автор отразил в названиях разделов учебника. Их пять: гегемонистские системы Древнего Востока, античные системы баланса сил и гегемонии, мировые империи и волны экспансии в раннее Средневековье, имперское соперничество в развитое Средневековье и, наконец, переход к системе национальных государств. Такая периодизация хорошо соответствует формату учебного пособия и помогает лучше понять логику развития имперских систем «довестфальского» мира. В каждом из этих случаев система межгосударственных отношений состояла из одной или нескольких империй, контролирующей определённые географические пространства. История «довестфальской» эпохи была, соответственно, эволюцией подобных имперских систем. В таком мире существовало три типа конфликтов: 1) между имперскими системами; 2) между субъектами внутри одной имперской системы; 3) между империями и неимперскими субъектами — «варварами», живущими вне империи.

Имперские системы Древнего Востока носили, с точки зрения А.В. Фененко, гегемонистский характер, то есть тяготели к преобладанию одной империи. Гегемонистская система сформировалась здесь ещё в середине III тысячелетия до н.э., когда большую часть ближневосточной ойкумены завоевала Шумеро-Аккадская империя. За её границами оказались только Харалпская цивилизация в долине Инда и Египет, игравший устойчивую роль антилидера по отношению к империи Саргонидов. В дальнейшем попытки объединить Ближний Восток предпринимали Староассирийская, Египетская, Ассирийская, Нововавилонская, и, наконец, этот процесс завершила Персидская империя. С VI века до н.э. история Древнего Востока как системы межгосударственных отношений завершилась: на смену ей пришла система отношений внутри Персидской империи. В Вос-

точной Азии подобную роль сыграла Китайская империя: объединив ойкумену, она вела перманентные конфликты с кочевыми этносами Центральной Азии.

Античные системы изначально возникли как полицентричные, или системы баланса сил: на Средиземном море с VIII века до н.э. шло перманентное соперничество четырёх цивилизаций: греческой, карфагенской, этрусской и египетской, которую затем сменила персидская. Внутри них шла борьба между субъектами (вроде греческих полисов или этрусских городов-государств) за установление своей гегемонии внутри собственного политического пространства. Основой ранних античных систем было стремление всех участников установить гегемонию одного субъекта, что хорошо демонстрирует история Этрурии и античной Греции: как только полис или город претендовал на гегемонию, против него сразу формировалась антигегемонистская коалиция. Только в IV веке до н.э. греческий полис мутировал в греко-македонские империи. В I веке до н.э. их остатки завоевала Римская империя, объединив всю ойкумену Средиземноморья, чем, по сути, завершила логику саморазвития античной ойкумены и её систем.

В дальнейшем античная ойкумена сокнулась с остатками Древнего Востока. Во II–I веках до н.э. в «мировой политике» произошёл переворот, связанный с появлением прямого регулярного сообщения между Римом и Китаем. «Великий шёлковый путь» распался на три ветки: северная (через современный Казахстан – Нижнее Поволжье и Северное Причерноморье); центральная (через Центральную Азию, Персию и Малую Азию); южная, или морская (через Малаккский пролив и Индийский океан). Это повысило роль кочевых этносов, стремившихся осесть на трассах Великого шёлкового пути, и морских держав Юго-Восточной Азии, между которыми развернулась борьба за контроль над морскими путями. Впервые в истории возникла трансевразийская система межгосударственного взаимодействия: понятие события в западной части Евразии стало

невозможным без знания событий в её Восточной части.

Античная ойкумена как Римская система не погибла, а, как показывает автор, эволюционировала в имперскую систему раннего Средневековья. Римская империя разделилась в 395 г. на Восточную (Византию) и Западную, отданную под «варварские королевства» в обмен на её защиту. Для современников «падение Западной Римской империи» в 476 г. было условностью: её столица более ста лет назад переехала в Константинополь, а идентичность стала христианской. Византия как наследница Рима вступила в борьбу с другой сверхдержавой того времени – Персией. Это биполярное соперничество сформировало новую карту мира: на Западе оно привело к возвышению Франкского государства и Римского первосвященника, в Восточной Европе сформировало Аварский каганат и подтолкнула славянскую миграцию на юг и восток, на Востоке подняло сначала Империю эфталитов, затем Великий тюркский каганат, что привело к объединению Китая в империю Суй. Финалом соперничества стала «мировая война VII века, разрушившая систему. Именно она, ослабив Византию и Персию, открыла «окно возможностей» для появления Франкской, Арабской и Китайской империй.

Здесь А.В. Фененко затрагивает важную проблему. Мы привычно говорим о тысячелетнем «упадке Средневековья», словно забывая, что он затронул только Западную Европу. Причём Британские острова были дальней окраиной Римской империи, а германские земли и вовсе не входили в её состав. Это был мир, центром которого выступал Арабский халифат, точнее – район соперничества халифата, хазар, Византии и Китая, то есть бассейн Каспийского моря, где сходились Северная и Центральная ветки Великого шёлкового пути. Историк Л.Н. Гумилёв не случайно назвал одну из своих книг «Тысячелетие вокруг Каспия». Мировая система III–XV веков в самом деле была спроецирована на Каспийский (затем Волжско-Каспийский) регион, выступавший её экономическим и

политическим центром, а Западная Европа была в ней бедной и отдалённой окраиной.

Раздел, посвящённый мировым империям раннего Средневековья, ставит перед международниками серию методологических проблем, которые прежде казались не очень заметными: многие явления, которые нам кажутся достоянием XX века, существовали, оказывается, уже в далёком прошлом. Мы считаем новым словом в мировой политике системную борьбу сверхдержав, но, как выясняется, похожую борьбу вели двести лет Византия и Персия. Ареной их соперничества выступали Центральная Азия, Индостан, Кавказ, Восточная и Западная Европа, Северная Африка, Эфиопия и Ближний Восток. В стороне фактически осталась только китайская ойкумена. Все государственные образования Евразии примыкали или к Персии, или к Византии, что завершилось «мировой войной» VII века, ставшей с точки зрения международных отношений переходом от поздней Античности к развитому Средневековью.

Аналогичные вопросы ставит и 16-я глава, подробно описывающая арабскую экспансию VII–VIII веков. В научной литературе мы привыкли говорить о «мире», основанном на гегемонии какой-то державы: *Pax Americana*, *Pax Britanica*, *Pax Francosica* и др. Но арабские завоевания создали к середине VIII века огромный халифат, простиравшийся от восточной части Центральной Азии до Пиренейского полуострова. Выстраивать с ним отношения были вынуждены танский Китай, Хазарский каганат, Византия и Франкская империя. Эти государства враждовали с халифатом и его наследниками, образовавшимися в IX–X веках, но принимали его условия ведения внешней торговли, а также заимствовали научные достижения арабов, их культурные образцы. Совсем не случайно, что даже история Древнерусского государства начинается с анализа арабских источников, оставленных арабскими и персидскими миссионерами IX века. Остатком этих миссий стало создание Волжской Булгарии и закрепление ислама на Средней

Волге и Каме. Фактически это и был *Pax Arabica* – первый глобальный мир, основанный на арабском преобладании во всей ойкумене. Кстати сказать, пресловутый *Pax Romana* не был таким глобальным миром, ибо Рим контролировал только Средиземноморье, а его культура не вышла за пределы этой ойкумены.

Мы часто забываем, что *Pax Arabica* создал привычное нам западноевропейское Средневековье. Переход Франкской империи к системе натурального хозяйства и феодальной сеньории стал во многом последствием арабской морской блокады, установившейся для Западной Европы примерно с рубежа VIII–IX веков. Франкам удалось остановить арабскую экспансию на Пиренейском и Апеннинском полуостровах, но ценой отсечения от мировых торговых путей на три столетия. Феодальная раздробленность западноевропейского типа, не имеющая аналогов в мире, во многом была адаптацией Западной Европы к торговой блокаде. Аналогично и образ «мрачного Средневековья» был вызван сокращением ассортимента товаров с Востока и долгосрочными последствиями этого события. Прорвать торговую блокаду Западная Европа смогла только в период Крестовых походов, что привело к возвышению итальянских республик. Античную философию, математику и естественные науки европейцы также позаимствовали в X–XI веках у арабов. Феодальная Европа стала, таким образом, побочным продуктом *Pax Arabica*: последний породил цивилизацию, вступившую с ним в длительную борьбу.

Процессы, происходящие в развитом Средневековье, были вызваны распадом арабской гегемонии и её заменой несколькими региональными, контролировавшими определённые участки Великого шёлкового пути – центральноазиатской, волжско-каспийской (к которой принадлежало и Древнерусское государство), восточно-средиземноморской и западноевропейской. В Юго-Восточной Азии существовала своя система, малоизвестная европейской науке о международных отноше-

ниях, в рамках которой шла борьба морских держав-талассократий за гегемонию на южном (морском) участке Великого шёлкового пути. Её описание автором в главе 24 можно считать практически первой в нашей стране попыткой показать эволюцию данного региона с точки зрения международных отношений. Всё это были осколки *Pax Arabica*, разделившие прежде единую мировую систему на сумму региональных систем.

Попытку собрать их заново предприняла в XIII веке Монгольская империя. Она быстро распалась на систему борющихся друг с другом улусов, которые и сформировали политическую карту Азии вплоть до XIX века. Остатки Золотой Орды поделили в XVI веке Русское государство и Османская империя; персидское государство ильханов превратилось в Персию Сефевидов; империя Тимуридов эволюционировала в Бухарское ханство и Империю Великих моголов; империя Юань распалась на китайскую империю Мин, Коре и Монгольскую империю Северная Юань. Да и само Русское государство было отчасти результатом деятельности ханов Золотой Орды, зависимость от которых окончательно разделила Древнюю Русь на Северо-Восток (объединённый московскими князьями) и Юго-Запад (попавший под власть Великого княжества Литовского). Здесь уместно вспомнить польские, а затем французские и британские памфлеты, что великие князья московские и русские цари были не Рюриковичами, а Чингизидами, порождённые «историческими лакунами» от похода хана Бату 1237–1240 годов. Не вдаваясь в проблему их исторической достоверности (этот вопрос разбирается автором в главе 27), отметим аспект психологический: для стран зарубежной Европы история Русского государства было больше связана с Золотой Ордой.

Здесь напрашивается интересный вопрос: «А могло ли быть иначе?» Ответ на него даёт глава 28 учебника. Первые правители монгольских улусов симпатизировали двум направлениям в христианстве — несторианству и католицизму,

а отнюдь не исламу. Папы вели в XIII веке активную миссионерскую деятельность, а европейские монархи пытались привлечь монгольских правителей к Крестовым походам. Однако исламизация монгольских улусов в XIV веке привела к краху их монгольской идентичности: Чингизиды превратились фактически в обычных мусульманских правителей. Империя Северная Юань приняла в начале XVII века буддизм, что втянуло её в орбиту китайской цивилизации. Преобладание ислама в Азии — это во многом последствие эволюции улусов Монгольской империи в XIV веке. Одновременно становится понятной так называемая загадка исчезновения Монгольской империи: она постепенно дробилась на всё более мелкие образования, элита которых не сохранила собственной идентичности.

В зарубежной Европе в этот период тоже происходила эволюция имперских систем. В конце XI века заявку на построение теократии выдвинул Святой престол, что привело к его противостоянию со Священной Римской империей. Опорой церкви первоначально выступали короли Франции и Англии, а затем — Анжуйский дом как младшая ветвь французских Капетингов. «Анжу-Сицилийская империя» с условным центром в Неаполе постепенно и в разное время включала в свою орбиту Францию, Венгрию, греческие государства крестоносцев, Боснию, Валахию, Польшу и Великое княжество Литовское. Только по итогам распада «Анжуйской империи» примерно в середине XV века в Европе сформировались более-менее устойчивые государственные центры, а превращённой формой этой «империи» стало Польско-Литовское государство. Это, собственно, и придало Польше и Литве католический мессианизм, импортированный из Франции и укрепившийся в этом регионе до настоящего времени.

Переворот в мировой политике Западной Европа попробовала осуществить только на рубеже XV–XVI веков. Великие географические открытия стали ответом на османский имперский проект, закрывший Западной Европе не только сухопутный

путь на Восток, но и морскую торговлю в Средиземноморье. Поиск морских путей на Восток стал попыткой перестроить глобальную торговую систему в пользу государств Западной Европы. Излагая эти факты, автор учебника уходит от господствовавших долгое время упрощённых схем: он показывает, что первая волна колониальной экспансии завершилась неудачно. Осmano-португальские войны и переход Японии к политике самоизоляции (саккоку) привели к фактической потере португальцами позиций в Индийском океане. Единственной площадкой для колонизации у европейцев осталось на тот период только Западное полушарие. Голландцам и англичанам пришлось начинать экспансию в Восточном полушарии практически заново, а окончательно мир стал «европоцентричным» только в XIX веке. В итоге тысячелетняя система, в центре которой находилась Центральная Азия, была заменена новой системой океанских коммуникаций и «морской мощи».

В самой Европе в этот период только шло становление современных государств: её политическая карта XVI века была зыбкой и подвижной, что хорошо показано в главе 35 пособия. Испания (в то время уния Арагона и Кастилии) и её колониальные владения в Латинской Америке, Священная Римская империя, Неаполитанское и Сицилийское королевства были объединены в «империю Габсбургов». Франция то пыталась подчинить себе северную и центральную части Апеннинского полуострова, то сама едва не распалась на северную (католическую) и южную (протестантскую, гугенотскую) части, причём первую поддерживали Габсбурги. Не было устойчивой государственности и на Британских островах: Шотландия в середине XVI века вошла в личную унию с Францией, Англия – с «империей Габсбургов», причём её выход из унии и стал причиной длительной англо-испанской войны. Северные Нидерланды вышли из «империи Габсбургов», создав новое государство Республику Соединённых провинций, а южные Нидерланды сохранили верность Габсбургам.

В Северной Европе Кальмарская уния 1397 г. распалась на Датско-Норвежское и Шведское государства, Ливонский орден был поделён по итогам Ливонской войны между Швецией и Речью Посполитой, эволюционировав в маленькое герцогство Курляндское. В Восточной Европе уния Польши и Великого княжества Литовского привела к созданию в 1569 г. Речи Посполитой, к которой в начале XVII века едва не присоединилось Русское государство. Всё это было настолько зыбко и подвижно, что было не понятно, как именно сформируются устойчивые государственные центры.

Глава о международных отношениях в период Тридцатилетней войны завершает весь учебник. А.В. Фененко показывает, что именно в этот период произошёл переход от модели донациональных образований к государствам. Дело было не в самом по себе комплексе договоров 1648 года, получивших обобщённое название «Вестфальский мир», как это иногда ошибочно утверждают в околоисторической публицистике. Тридцатилетняя война зафиксировала результат предшествующих столетних подвижек, выкристаллизовав государства со стабильной территорией и набором постоянных государственных институтов. Современные государства в нашем понимании сложились только по итогам Тридцатилетней войны.

Здесь учебник А.В. Фененко подтверждает, независимо от замысла автора, правоту теории конструктивизма. В отличие от реализма и либерализма она рассматривает современные государства и нации как набор сконструированных общностей, причём в сравнительно недавний период. В Западной Европе мы снова упираемся в эту дату – середина XVII века. В самом деле Великобритания как единое государство Британских островов была политическим проектом шотландской династии Стюартов и окончательно сформировалась только в 1707 году. Франция во второй половине XVI века едва не распалась на северную и южную («гугенотскую конфедерацию») и была окончательно собрана только кардиналом Дж. Мазарини в 1650-х

годах. Внутри Испании Арагон сохранялся как автономное государство до 1707 года, Португалия вышла из унии с Испанией в 1668 году, Габсбурги разошлись на испанскую и австрийскую ветви в 1558 г. На Востоке современные государства были созданы ещё позже: или в XIX веке через российско-британскую большую игру, или в ходе распада колониальной системы уже в XX столетии. В Восточной Европе национальные государства в их нынешнем качестве возникли и вовсе после Первой мировой войны или по итогам распада социалистического содружества и СССР тридцать лет назад. Мы часто пишем «история Англии», «история Франции», «история Италии», «история Германии», «история Индии», не задумываясь над тем, а были ли такие государства в недавнем (по историческим меркам) прошлом.

В этой связи интересен и другой момент: а какое государство, собственно, выступает наследником той или другой империи Древности или Средних веков? В какой мере Монгольская империя — это предок современной Монголии? Формально Монгольская империя как институт власти Великого хана сохранялась до 1368 года, затем он перешёл к императорам (Хуанди) Северная Юань, а затем растворился в монгольских степях. Фактически её наследниками могут считаться и Персия, и империя Великих моголов на Индостане, Бухарское и Казахское ханства и даже Россия, включившая в свой состав Казанское, Астраханское и Сибирское ханства. Осколком Золотой Орды выступало Крымское ханство, присоединённое к России в 1783 году. На вопрос о наследниках Монгольской империи можно дать только парадоксальный ответ в духе немецкого философа Артура Шопенгауэра — все и никто.

Ещё один важный момент, о котором пишет А.В. Фененко: в современном мире нет большинства античных и средневековых народов. В романтической историографии XIX века было модно искать далёких предков у каждого народа: римлян у итальянцев, галлов у французов, англов и саксов у англичан, готов и гуннов у нем-

цев, древних русичей у русских и др. Между тем этнология прошлого века доказала псевдонаучность подобных отождествлений: эти народы исчезли, утратив своё самосознание, языки, культуры, антропологический тип. Мы начинаем историю Франции с рубежа V–VI веков, хотя франки были иным народом с иной идентичностью, чем французы, ибо преобразование Западно-Франкского королевства во Францию стало результатом деятельности династии Капетингов, пришедшей к власти как оппозиция «полуфранкской» Священной Римской империи. Мы привычно пишем о борьбе Англии и Франции в годы Столетней войны, хотя Англия и Франция стали расходиться на разные государства только по итогам Столетней войны, а точнее — Войны роз. До этого с конца XI века была единая англо-французская система, в которой короли Англии были вассалами королей Франции как герцоги Нормандии, графы Анжу и Аквитании. Англия и южная Франция составляли единый массив, который до середины XV века организовывался то в «Анжуйскую державу», то в «Великую Аквитанию», то в Англо-французское королевство через союз Ланкастеров и Валуа как побочных ветвей Капетингов. Не говоря уже о том, что короли Англии были ещё и вассалами Святого престола, равно как и Анжуйская династия — побочная ветвь Капетингов. Что общего имеет этот конгломерат постоянно переформирующихся феодальных владений с Британией и Францией в их современном качестве?

Проблема «исторического времени» — одна из самых сложных для международных политологических построений базируются на материале последних 30 лет — периода после распада «социалистического содружества» и СССР. Отсюда следует постоянный «маятник» американской литературы по международным отношениям: кооперационный Клинтон — жёсткий Буш, кооперационный Обама — жёсткий Трамп. Другой, хотя и менее распространённый, подход — начинать историю международных отношений «от Ялты», то есть с момента, когда была

заложена современная система ООН; реже – «от Версаля», то есть от создания в 1919 г. первой глобальной международной организации – Лиги Наций. Только в редких случаях международники начинают отсчёт «от Вестфалья», то есть с середины XVII века: периода, когда, собственно, и были созданы современные национальные государства.

Учебное пособие А.В. Фененко доказывает нам, что это всего-навсего последние 400 лет из 5000 лет достоверно известной мировой истории. Отсекая от себя основную часть мировой истории, мы уходим от вопроса, к которому и подводят нас конструктивисты: национальное государство – это постоянный или преходящий институт, малая часть истории? В конце концов срок его жизни пока даже не превзошёл срок жизни классических греческих полисов VIII–V веков до н.э., который мы привыкли считать историческим мигом. Мысль о том, что от Фукидида до падения Западной Римской империи прошло столько же, как от Древней Руси до наших дней зачастую недоступна нашему пониманию. Ещё менее нам доступно мышление тысячами, которые лежат «по ту сторону» нашей эры. На этом фоне наши споры об

«однополярном / многополярном мире» предстают как нечто очень слабое и преходящее, если не считать ядерной угрозы.

Новизна учебного пособия А.В. Фененко заключается, таким образом, в трёх аспектах. *Во-первых*, оно даёт по-настоящему первый анализ международных отношений с Древности до Вестфалья – период, в самом деле практически неизвестный современным международникам. *Во-вторых*, оно показывает нам, как много современных проблем и процессов зародилось намного раньше XX века и даже Вестфалья. *В-третьих*, оно показывает нам, что многие положения теории международных отношений надо скорректировать с учётом нового фактического материала. На этом фоне конструктивизм смотрится уже не как что-то абстрактное, а теория, выросшая на конкретном фактологическом материале. Полагаю, что методологически корректная и интересная подача материала позволит учебнику А.В. Фененко занять подобающее место в учебном процессе и поможет воспитать на его основе новую генерацию международников.

Татьяна Алексеева
доктор философских наук